

Гете было легче, чем Пушкину

В этом году чудесным образом совпали два юбилея

Век Москва - 1999 - 26 авг. - с. 7.

Пушкин и Гете... Два гения, люди такой разной судьбы, разного характера — и столько общего! Их роднит и удивительная эпоха, в которой они жили.

Гете как старший современник первый сказал:

«Север, Запад, Юг — в развале./ Пали троны, царства пали...» От Александра Сергеевича осталось не менее пронзительное: «Чему, чему свидетели мы были!»

Сон Фауста

Павел БУНИН

Но, конечно, была и разница ситуаций. «Пушкина надо сослать в Сибирь...» — это Александр I. Гете было проще: захотел поехать в Италию — и поехал. Захотел в стихах, драмах или статьях излагать свои взгляды — и излагал. Захотел отказать от наполеоновского приглашения — и отказался. Цензура? Да кто в Европе или Америке посмел бы слово ему сказать?

А Пушкина и поучали, и не пускали, и цензуровали «специалисты по литературе» третьего отделения. Да еще и по поручению верховного специалиста. Недаром вырвалось у Пушкина из сердца, что «наша общественная жизнь — грустная вещь... Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние».

Но «человек — животное общественное» (Аристотель), и общество не может на него не влиять. Как выразился Пушкин о Николае, перлюстрировавшем его письма к Натали: «И царь... читает письма мужа к жене... да, мудрено быть самодержавным». Но ведь «живя в г... — сам завоюешь...». Увы, этот закон касается не только царей. Не то удивительно, что поэт погиб, поражает сила его природы, позволившая ему выдержать годы этой непрерывной и даже не всегда вежливой, тихой пытки. И тем более удивительна жизненная сила, излучаемая Александром Сергеевичем с какой-то моцартовской легкостью.

Кажется далеко не случайным, что Пушкин создал гениальную по блеску и способности вжиться в строй мыслей главных героев Гете «Сцену из «Фауста». Если не знать имя автора «Сцены», она отлично сойдет за вновь обнаруженную сцену гетевского «Фауста», экстракта германской души. Не забудем: речь

идет не о безобидном «договоре» между Емелей и щукой, но о пакте человека с Дьяволом. И наше поколение видело результаты действия этого «договора», давно брезжившего светлому уму Гете. Видело дьявольскую работу существ, потерявших «душу свою», но зато украшенных дьявольской эмблематикой — черным цветом своих униформ, костями и знаменами.

Есть нечто, чему оба поэта отдали свое сердце: культура Эллады и Рима. Их история, их философия, их искусство... Пушкин пишет: «Не считаю за нужное говорить о поэзии греков и римлян: каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величайшей древности». И мы вновь вспоминаем «Фауста», удивительные сцены с Еленой, где Антика так таинственно переплетается с духом Средневековья и Новым временем... Умирает сын фаустовской души и Елены — Вечной Красоты, прекрасный Эвфорион — Байрон, а нам остается лишь вечно горестное: «Радость прошла моя! / Горе пришло за ней!».

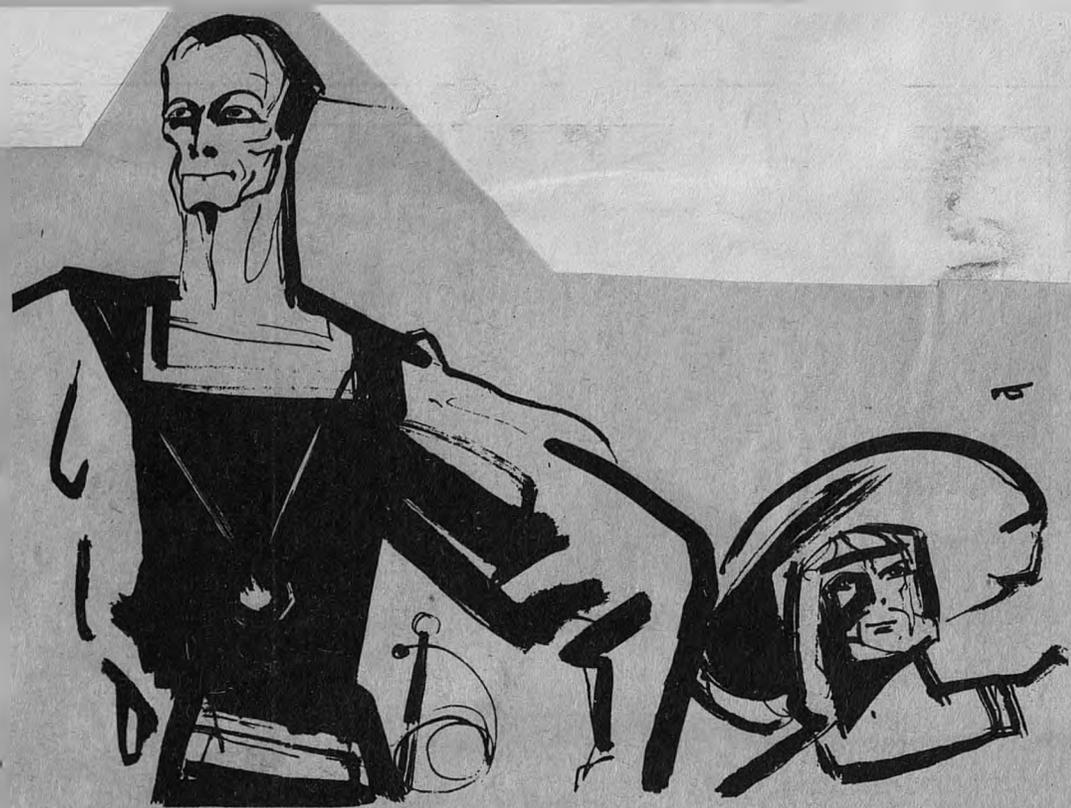
«Ибо тщетно, — замечает Гете, — противоборствовать злободневности».

Байрон — вот и еще одна общая любовь наших двух великих... Долго, много и часто будут они вспоминать так ослепительно вспыхнувшего на меттернихских серых фонах тогдашней Европы лорда из Ньюстеда. Гете говорит: «Чем глубже проникаешь в творение такого мастера, тем больше чувствуешь, как это трудно — растолковать его самому себе, где уж там объяснить другим людям».

Пушкин любил Байрона, восхищался его экстравагантностью, его красотой, дендиизмом. Ценил интерес милорда к России, но... «Платон мне друг, но истина дороже». Пушкин, который слышком серьезно относился к своему ремеслу, чтобы кривить душой, и пишет: «...в «Manfred» он (Байрон) подражал «Фаусту», но «Фауст» есть величайшее создание поэтического духа, он служит представителем новейшей поэзии, точно как «Илиада» служит памятником классической древности».

Шекспир. Вот о ком наши юбиляры говорили охотно, восторженно — и с полным единодушием. Их бесчисленные высказывания слишком известны, ограничимся немногими.

Гете: «...Я восклицаю: природа!.. Что может быть больше природой, чем люди Шекспира! Шекспир сравним с Прометеем! «Шекспировские пьесы — это огромная, оживленная ярмарка, и этим богатством он обязан своему отечеству».

Из иллюстраций Павла Бунина к «Фаусту». Фауст и Мефистофель

К этой мысли — о шекспировской народности — Пушкин обращается постоянно: «...если герои выражаются в трагедиях Шекспира как колюхи, то нам это не странно, ибо мы чувствуем, что и знатные должны выражать простые понятия как простые люди». И еще: «Что развивается в трагедии? Я человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная. Вот почему Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки». Дух захватывает даже при неполном перечислении людей и проблем, привлекавших Гете. Вот наугад: Данте, «Политические произведения Индрии» (?), «О немецком театре», Дидро, стихотворения китайских поэтов, «История Рима» Нибура, «Песнь о Нибелунгах», «Общие размышления о мировой литературе», «Англо-Шотландские журналы» и так без конца!

И вот среди этого потока мелькает «Сербия». «Писатель острый и оригинальный» (по словам Пушкина) Проспер Мериме выпустил в свет «Гузлу» — талантливую под-

делку народных песен Югославии, и, по счастью, наш отзывчивый и простодушный гений бросился их переводить — так получили мы его знаменитые «Песни западных славян». Пушкин не без удовольствия отметил, что «поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток славянской поэзии, не усомнился в подлинности сих песен». Мериме, автор «Театра Клары Газуль», ответил шутивно-покаянным письмом Соболевскому: «Передайте г-ну Пушкину мои извинения. Я горжусь и стыжусь вместе с тем, что и он попался и проч...».

Наш парижский денди послал экземпляр «Гузлы» и Гете. Но маститый немец был не из тех, кого можно разыгрывать: «Мы обратили внимание на то, что в слове «Guzla» скрывается имя Gazul, и нам вспомнилась... цыганка с театральных подмостков... В искусстве всегда допускался этот невинный обман. Пусть господин Мериме поэтом на нас не сердится, если мы здесь объявим его автором «Театра Клары Газуль» и сборника «Guzla» и тут же

попросим еще раз позабавить нас такими подкидывашами, если только это будет ему угодно».

Вот так! Вы кого разыгрываете, молодой человек? Сам Олимпиец начертал о Сербии большую статью, куда включил и общий очерк истории Сербии, и, естественно, разбор ее народной поэзии, где перечисляет наиболее яркие, по его мнению, темы. Вот некоторые из них: «1. Целомудрие сербской девушки, которая никогда не поднимет своих прекрасных ресниц; бесконечно прекрасные стихи... 3. Утренние настроения любящей девушки; ее возлюбленный так сладко спит, что она не решается его будить». И наконец: «5. Город Сараево опустошен... 51. Девушка знаменосец... 55. Белград в огне».

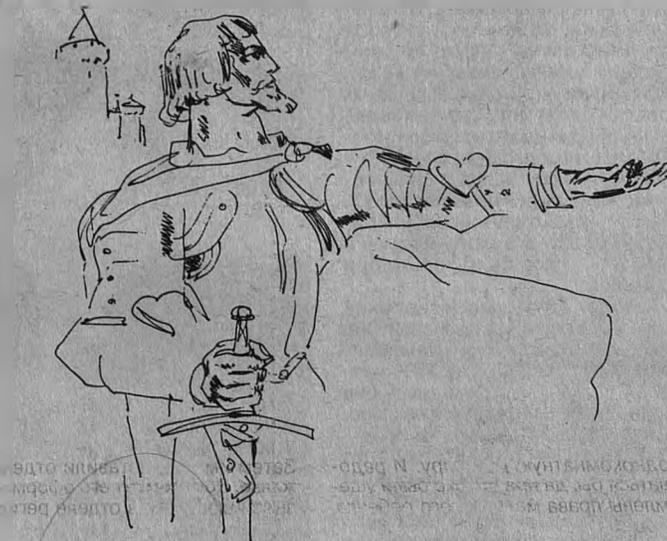
Говорят, о восприимчивости обоих поэтов к культуре других народов нельзя забывать: первый — от головы до ног немец из немцев, другой — русский из русских.

Перечитайте Гете, и вы увидите, что сквозь всю утонченность освоенных им культуру проглядывает немец, с его сильным характером, иногда грубоватым юмором, а иногда и с бесцеремонностью.

В заключение — еще одна цитата: В. Розанов писал из Италии: «Отчего пишу я, а не Пушкин? Я хочу сказать ту простую, оскорбительную и мучительную для русского мысль, что для человека такой наблюдательности, ума, впечатлительности, как Пушкин, не нашлось в России в «культурно-национальный момент ее политического могущества» каких-нибудь трех-четырёх тысяч рублей, чтобы сказать ему: «Поди: ты имеешь ум, как никто из нас (и в том числе начальство, ибо это даже официально было признано!); и что ты увидишь ТАМ, что подумаешь, к чему вдохновишься — пиши сюда, на тусклую свою родину, в стихах или прозе, по-французски или по-русски. Пиши, что хочешь и как хочешь, или хотя ничего не пиши...»

И что бы имели от Пушкина, увидь он Италию, Испанию, Англию, а не одни московские и петербургские закоулочки...»

Что тут добавить!

Фауст